

ЧИТАЯ «ПОЛДЕНЬ»...

Любовь Андреева. Полдень. Южно-Уральское кн. изд-во, 1976.

В коллективном сборнике «Подснежник» (Челябинск, 1969) обратила на себя внимание подборка стихов Любови Андреевой из Кургана. Подкупали романтическая открытость, сказочность и в то же время внутренняя достоверность стихов молодой поэтессы, ее добрая улыбка. Уже заметно было завидное умение сказать свое, свежо. Вышедшая в 1970 году в Челябинске первая поэтическая книга Андреевой «Стриженое лето» лучшими своими стихами подтвердила: в нашем уральском краю живет еще один автор, от которого можно немало ожидать в поэзии. Стихи были доверительны и убедительны, лирической героине и автору верилось. Да собственно, и сама поэтесса и ее лирическая героиня были одно и то же лицо, Л. Андреева вела разговор с читателем от собственного имени, книжка была как бы лирическим дневником, исповедью. Безо всякой аннотации видны были биография автора, истоки и развитие характера и мировоззрения. Деревенская девочка военных и послевоенных лет, потом рабочая на стройке в городе... Хорошо показывались труд, товарищи по работе, подруги по общечеловеческому. Андреева находила конкретные детали, зримо рисовавшие мир рабочих людей, в котором она трудилась, жила.

Гудело пламя в горловине топки,
Захлебывалось в угольной пыли,
Гудели закопченные заклепки,
И гуд, казалось, шел из-под земли...

Несколькими строчками удавалось Андреевой передать напряжение на строительной площадке:

Дочерна загорали тела у моторов,
Добела отгорали у слесаря брони.

Может, подчас слишком уж скрупулезно выписывались детали, но они хорошо «работали» на стихи, делали их не общими, вещественными.

В обращении к рабочей теме Андреева отнюдь не ограничивалась описанием «производственных» процессов, в книжке началось нравственное осмысление труда как важнейшего человеческого деяния. Лирическая героиня глядела на мир жизнерадостно, благодарно, но не бездумно, созывая и свою ответственность, чувствуя себя хозяйски на земле. Ее охватывала большая мечта, высокая цель:

О, молодость рабочего порыва,
О, золотые руки работяг,
О, злая жажда сделать все красивым,
Снести последний на земле бирак!

С законной гордостью говорилось:

Да, мы ни разу не летали
На межпланетном корабле,
Мы в это время стены клали,
Носили землю по земле.

Но рядом с высоким уживалось и будничное, обыденное. Порой лирическая героиня Андреевой как бы даже подавалась минутной слабости, колебанию:

Четыре допаты, а яма одна,
А может, четвертая здесь не нужна?
А может, уйти мне на газобетон?
Там тоже не сладко, но там не в нахлок.

Что ж, в реальной действительности перед человеком встают и подобные вопросы, и дается жизнью право выбора. И несмотря на «неглобальность» таких проблем, конечно, очень важно, как человек решит, как он ответит сам себе на собственный вопрос. В этом проявляется его человеческая основа, его общественная, гражданская зрелость. О лирической героине книги «Стриженое лето» можно было смело сказать: за спиной других она не спрячется, туда, где полетче, не уйдет — такой она выделась из стихов книги, таким чувствовался ее характер.

Словом, дебют Л. Андреевой был удачным, на книжных прилавках попался приметный поэтический сборник.

И вот шесть лет спустя вышла новая книга Л. Андреевой «Полдень». Срок, отдающий прежнюю книгу от новой, немалый. Какими же путями шла эти годы поэзия Андреевой, что из лучшего закрепились, какие новые качества приобретены?

Книгу удачно открывает стихотворение «Я тихая, мне мама говорит...» Вот несколько строк из него:

Как будто знала, что идет война,
Что мать хлебает со мною лакш,
Что Родине теперь не до меня,
И тихая и подвигась без крика,
И умерла бы там, где родилась,
Когда б телеги не отачала,
И не уехали б никакая власть —
Была война, война бы все списала...

Стихотворение развивает лучшую сторону дарования поэтессы: подробность и точность деталей, достоверность. Тут и жесткая правда жизни: «Была война, война бы все списала...» И нежданность описываемого: «Пила и квас из свекольных паренок... И получала пенсию с пеленок...» И понятное чувство, воспоминание взрослого человека о детстве. А на какую бы тяжелую годину оно ни выпало, детство — единственно в жизни каждого, с ним связана радость познания мира, светлое его восприятие. Много удалось сказать автору в этом стихотворении, по-настоящему отличном и, самое главное, именно андреевском. И не декларативно звучат его заключительные строки:

...Теперь, когда я прошлое итожу,
Я понимаю, что моя родня
И Родина моя — одно и то же.

Они вытекают из всего стихотворения, становятся естественным выводом.

Ведущее место и в новой книге занимают мотивы труда, к ним Андреева обращается во многих стихах. Удалось также из них, как «Мастер», «Во дворце в белых туфельках» и некоторые другие.

Читая книгу, чувствуешь попытку поэтессы как-то иначе развить рабочую тему, ставшую для нее близкой, чувствуешь ее усилия, но часто попытка оказывается не очень успешной, усилия выглядят перегруженными, а, следовательно, пафос стихов — искусственным. Очевидно, уже не удовлетворяясь достигнутым в прежней книге, Андреева пытается найти новые решения, использовать новые для себя приемы. Почему же это не приводит к желаемым результатам? Порой даже те средства, которые помогали ей прежде решать задачи, теперь играют против нее.

Сильной стороной поэзии Андреевой была подробность деталей, предметность. В новых стихах обилие деталей зачастую оборачивается перечислительностью, подробность — прозаизмами. Стихи получают регистрирующими, утомительными.

Целый час под разгрузкой стою...

Сыкатный завод — наш сосед,
Салад проедешь да насыль в все,
Там беллет в лесах мой объект,
Ждет, когда мы кирпич привезем.

Мы постыло глядим на часы,
Час прошёл, а две ходки всего...

Мы узлами просить кирпича,
Ну, а если точнее — «выбивать»...

Шофер просит, чтоб край отпустил,
Нам быстрее, коль рядом объект.
— Вы что, лучше других? Нет и нет (?)
Как грузили, так грузил пускай (?)

Ходка раз, ходка два, ходка три,
Шпону срезало, что же теперь?

Задний борт отвалился в кирпич,
Мы устали, аж руки дрожат...

Все это из одного стихотворения! Безусловно, такой «реалистический» подход вредит автору. Прозаизмы омертвляют стих, делают его скучным, гасят пафос. Подобная регистрация случайных деталей, фактография мешают многим стихотворениям, создают и однообразную внутреннюю интонацию. Даже в лирическом монологе звучит рассудочность: «Я поняла тебя, но все ж хочу знать письменно, не устно...»

Многие стихи новой книги неоправданно затянuty. Лишившись части строф, они бы только выиграли. Восприятию нередко мешают приблизительность, произвольность деталей, образов, их случайность.

Вьюга тополь качвет — не надо качать. (?)
Еще долго ему и стоять и молчать.
Тополь многое знает и может узнать. (?)
Только я не хочу ни о чем вспоминать. (?)

Здесь не сразу уяснишь суть. Почему вьюге не надо качать тополь? И в каком смысле тополь еще может многое узнать? И неясно, в связи с чем героине не хочется ни о чем вспоминать. Словом, все тут условно, туманно. Конечно, при большом желании в подобных стихах находят и настроенные, и музыку стиха, и даже философию... Но нужны ли такие натяжки в откровенном разговоре? Тем более что для Андреевой это не открытие. Лучшие ее стихи отличались и отличаются той простотой, которая дается не просто.

К сожалению, в новой книге немало уязвимых мест. Подчас Андреевой явно изменяет чувство слова:

Грязь, как тесто, — хоть стряпай блины. (?)
Хороши ли, попробуй на вкус. (?)
Но пурга для лихой шоферни
Не страшней, чем ичканый укус. (?)

Доходит и до самопародийности:

Успокойся, досешь абрикосы. (?)
Ты мне душу постой, не трави.
У меня прамота от березы
И цемент от бетона в крови. (!)

Если еще и учесть, что эти слова произносит лирическая героиня, то эффект получается, мягко говоря, странный. Вообще-то смысл ясен: героиня стихотворения отвечает «другу» на упрек в том, что она, мол, делает на стройке биографию х стихам. Но, во-первых, мы уже видели, как это сказано, а, во-вторых, есть ли необходимость убеждать такого «друга»? И не слишком ли резонерски звучит совет ему:

Так трудись-ка ты вместе со всеми
И к задуманной цели стремись...

В том-то и вопрос: есть ли «задуманная» цель у такого скептика-брюзги? Все стихотворение решается по простейшей схеме: факты из собственной жизни, доказывающие неслучайность выбора профессии, гневные тирады, малоубедительный призыв.

Иногда остается впечатление, что Андреева недостаточно продумала мысль, ситуацию.

Июльский дождь,
Ты не знаешь, как ждали тебя,
Горько думали — хлебу «труба».
А теперь отдохнет наша рожь.

Ведь, если вдуматься, то после дождя у ржи как раз время бурной работы — роста или налива колоса. Поэтесса хотела сказать, что рожь отдохнет от жары, жажды. Но получилось неточно по существу...

Мое впечатление — новая книга Л. Андреевой уступает прежней по свежести мысли, художественности изображения, по эмоциональности. Что ж, художник далеко не всегда растет по прямой восходящей, от книги к книге. Передки зигзаги. Причины тут могут быть самые разные. В одном случае это — удовлетворенность сделанным, а следовательно, застой, за которым неминуемо наступает спад, потеря завоеванных позиций. В другом случае как раз неудовлетворенность сделанным, вообще освоение новых приемов, средств дается непросто. Но необходимо, чтобы автор как можно скорее осознал, увидел издержки своего производства, понял, что же тянет его вниз, не дает его стихам расправить крылья.

А. КУНИЦЫН

НАУКА РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

В. Живописцев. Пермь — город науки. Рассказы ученых. Пермское книз-во, 1976.

Рубрика, предваряющая название этой небольшой по объему книжки, весьма неожиданна — «Рассказы ученых». Наука повествует сама о себе, без посредников. Именно так задумана новая массовая серия. Ученые знакомят читателя с развитием науки в Пермской области, с тем, каков ее коэффициент полезного действия в народном хозяйстве страны.

Впрочем, пермская новинка родилась не на пустом месте. В 1972 году Средне-Уральское книжное издательство книгой академика С. С. Шварца «Единство жизни» начало популярную библиотечку «В лабораториях уральских ученых». Ныче в ее активе уже добрый десяток книг, ко-

торые трудно найти на полках магазинов. Достаточно назвать адресованные широкому читателю и любовно оформленные книги В. В. Тхоржевского «Тайны вирусов», А. И. Големзина «Новые профессии микробов», И. И. Нестерова «Поиск ниже уровня геоида», М. Л. Шулуто «Дарующая жизнь» и другие. Но серия, появившаяся в Свердловске, по замыслу несколько отличается от той, что начата в Перми. Эту непохожесть можно, пожалуй, передать интонацией: первая ставит цель рассказывать увлекательно об открытиях в науке, вторая — тоже популярно — о важных народнохозяйственных проблемах, решаемых наукой. По крайней мере, такова заявка.

И вот перед нами первая ласточка серии, книжка, составленная из шести глав-очерков, написанных заслуженным деятелем науки РСФСР, ректором Пермского государственного университета, доктором химических наук, профессором В. П. Живописцевым.

Ее открывает очерк «Улица Генкеля». Здесь расположен государственный университет имени А. М. Горького — дерево, от которого отпочковались почти все научные учреждения и вузы, достойно представляющие сейчас Пермскую область в отечественной и мировой науке. Улица названа именем одного из организаторов университета — ученого и революционера А. Г. Генкеля.

Книга дает нам общее представление о науке города, как бы вручает визитные карточки восемнадцати крупнейших научных учреждений и учебных заведений. Но каждая из шести ее глав имеет, на мой взгляд, нечто общее, стержневое.

Радует прежде всего то, что творческая работа всех без исключения научных коллективов идет в русле ключевых проблем и задач, поставленных перед наукой нашей страны в целом и уральского региона в частности решениями XXV съезда КПСС. Так, читатель узнает о вкладе ученых Перми в решение задачи охраны природы, очистки бассейна рек Волга и Урала. В той или иной мере к этой проблеме причастны все — и теоретики отдела селекции и генетики микроорганизмов Уральского центра АН СССР, и ученые университета, и научные силы политехнического института, и коллектив кафедры биологии педагогического института.

Дает реальные плоды участие исследователей и проектантов в освоении нефтяных и газовых богатств страны. Ученые Пермского политехнического, например, доказали возможность комплексной разработки калийных и нефтяных месторождений, что, кстати сказать, позволит использовать для вытеснения нефти из пласта... сточные воды химических предприятий. Уникальный электролунжерный погружной агрегат для добычи нефти создан в коллективе научно-исследовательского и проектного института нефтяной промышленности. А теоретики одного из отделов

9

1977

УРАЛ